

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

Илья Репин: Я люблю разнообразие!
Литературное расследование жизни и творчества русского живописца
в библиотеке «Фолиант»

30 июля 2013 года в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК состоялось литературное расследование биографии **Ильи Репина**, (1844-1930), русского художника-передвижника. В преддверии 150-летнего юбилея **Натальи Нордман**, второй жены живописца, библиотекари вместе со своими читателями попробовали пролить чуть больше света на историю их странной любви.

Илья Репин слыл не только непредсказуемым художником, но и непредсказуемым человеком. Современники вообще не могли понять, какие же женщины дарили ему большее вдохновение: серьезные и замкнутые, как его первая жена, или же шумные и экстравагантные, какой была вторая?

Обе женщины принесли в дар великому художнику собственную судьбу, доброе имя и иные жертвы, чтобы он мог творить. Интересно, появились бы на свет репинские шедевры живописи, не будь рядом с ним тихой **Веры Шевцовой** и большой оригиналки **Натальи Нордман** (1863-1914)?!

Нордман ревновали, ей завидовали. И самое главное: ей не могли простить, что, живя рядом с гением, она не находила полного удовлетворения в том, чтобы ему служить. Однако, именно это стремление быть самостоятельной личностью и нравилось Репину в его спутнице.

Они оба были уже не молоды, когда встретились, но любовь между Ильей Репиным и Натальей Нордман вспыхнула как фейерверк, поразила, ослепила, шокировала всех знакомых и - угасла стремительно, оставив у окружающих чувство горечи и недоумения: всем казалось, что подобное чувство должно быть вечным

- *Эта женщина проглотила Репина «целиком»*, - возмущался философ **Василий Розанов**. Знакомые не понимали и не одобряли выбор художника. Конечно, Наталья Нордман была яркой натурой, но... слишком уж эксцентричной и шумной. *«Дурно воспитана и неделикатна»* - такой был всеобщий вердикт.

А Илья Ефимович Репин был знаменит, богат и после первого неудачного брака мог бы выбрать себе пару самую достойную: негативный опыт - лучший учитель. Несмотря на почтенный возраст, 54-летний художник нравился даже юным девушкам из хороших семей. Так почему он выбрал Наталью Нордман? Ведь ей уже на тот момент было тридцать пять лет, и она совершенно была нехороша собой, что для женщины даже больший недостаток, чем изъяны в поведении. Быть оригиналкой в 1896 году становилось модным, быть дурнушкой - не было модно никогда.

Критик **Владимир Васильевич Стасов** писал брату:

- *Репин ни на шаг от своей Нордманши (вот-то чудеса: уж подлинно, ни рожки, ни кожи, - ни красотости, ни ума, ни дарования, просто ровно ничего, а он словно пришит у ней к юбке...*

Относительно ума и дарования он, конечно, был не прав: Наталья Нордман была талантливейшей женщиной и неглупой. В остальном - его возмущенное недоумение разделяли все, кто знал и любил Репина. А любили его многие. И еще больше было тех, кто любил просто бывать у Ильи Ефимовича в гостях и кто считал, что Нордман своими странными нововведениями в быт отравила всякое удовольствие от посещений дома Репина.

Однако Репин любил ее восторженно и страстно. И когда его любовь внезапно прошла, перегорела, - удивились даже самые ярые враги «Нордманши», не говоря уже о тех, кто знал Репина с давних времен и помнил его первый брак. Что же между ними произошло?

Итак...

Краски в раю

Художником Илья знал себя с самого детства. Попалась ему в руки кисточка, макнул он ее в вязкое масло - и все. До самого конца не выпускал. Мальчиком интересовался, предусмотрены ли в раю краски, 80-летним стариком умирал, сложив пальцы так, будто удерживал ими невидимую кисть.

А поначалу Илья Репин был скромным учеником **Ивана Николаевича Крамского**, опекавшего сына военного поселенца из Чугуева Харьковской губернии как родного. Нравилось Крамскому то, что юноша был очень способным, жадным до знаний, хотя грамоте и арифметике его обучали пономарь и дьякон. И еще он был очень везучим: иначе как удачливостью невозможно было объяснить то, что талант его заметил чугуевский художник **Иван Михайлович Бунаков** и принялся его обучать на «богомаза», то есть иконописца, ибо где еще мог найти работу художник из народа, как не в церкви...

Однако удача не оставляла Репина и в 1863 году: когда 19-летний иконописец приехал в Петербург, ему повезло поступить в Академию Художеств, где он и познакомился с Крамским, который стал его учителем и другом, помог сделать первые шаги в карьере художника-портретиста - в том что, собственно, приносило живописцам заработка.

Репин всегда сознавал свою удачливость и при этом никогда не был уверен в своем таланте. Он считал себя «посредственным тружеником» и думал, что только ежедневная многочасовая, почти каторжная работа может сделать из него настоящего художника. Он не чванился своими успехами и спокойно переживал неудачи. Вообще, у него был на редкость счастливый характер: мало кто из знаменитых художников был так дружелюбен, спокоен и незлобив.

Настоящую ошеломляющую славу ему принесла картина **«Бурлаки на Волге»**: Репин работал над ней три года и открыл для публики в 1873 году. Ему еще раз повезло: подобные драматические жанровые сюжеты как раз входили в моду, и он стал практически первооткрывателем. Дальше была всероссийская слава. **«Ответ запорожцев турецкому султану»**, **«Крестный ход в Курской губернии»**, **«Не ждали»** и **«Иван Грозный и его сын Иван»**.

Репин был восхваляем, почитаем. И осуждаем - не без этого. За то, например, что пишет совершенно разнородные вещи: за былинным полотном следует народная сцена, а после картины из Евангелия вдруг появляется легкомысленный кафе-шантан в Париже... Как-то это странно... Никакой последовательности... Поверхностность и пестрота вкусов.

На все претензии критиков Репин лишь разводил руками:

- Что делать, может быть, судьи и правы, но от себя не уйдешь. Я люблю разнообразие.

Разнообразие жизни – вот его главная страсть. Он был удивительно подвижный, живой, энергичный, эмоциональный, на первый взгляд казался не совсем естественным. Совершенно детская восторженность вызывала сомнения в его искренности. Но после более близкого знакомства эти сомнения исчезали.

В Италии, впервые приехав в Венецию, он увязался за какой-то женщиной, очаровавшей его своей *«в высшей степени восхитительной»* походкой. Пройдя за ней почти полгорода и, наконец, потеряв ее в толпе, он только тогда вдруг вспомнил, что забыл место и название гостиницы, в которой остановился. До полуночи метался по городу в поисках знакомого здания. Едва нашел. Войдя в номер и устало плюхнувшись на кровать, он, раскинув руки и устремив мечтательный взгляд в потолок, выдохнул: *«Да-а-а...»*

Затем повернул лицо в сторону ошеломленного **Стасова** (они вместе путешествовали по Италии и снимали один номер) и сказал:

- Вы и представить себе не можете, Владимир Васильевич, какую красоту я наблюдал сегодня!

И с таким же восторгом Илья Репин писал и портреты своих современниц. Изображения женщин лишены у него вычурной красоты, но наполнены трагическим внутренним огнем, открытостью и обаянием.

Мечты, надежды и иллюзии

Разнообразие Репин любил не только в живописи, но и в личной жизни. Со своей первой женой, **Верой Алексеевной Швецовой**, он познакомился, когда она была еще совсем девочкой. В 1869 году Репин по протекции Крамского получил заказ написать портрет **Алексея Ивановича Швецова**. А в 1872 году женился на его 16-тилетней дочери. Тихая девушка с толстой косой была влюблена в своего жениха, но как показало время - совершенно не годилась в качестве жены и спутницы художника.

Илья Ефимович был жаден до общения, любил устраивать у себя в доме ужины для богемы. Племянница его жены **Л.А. Швецова - Споре** вспоминала:

- Дом Репиных был открыт и доступен широкому кругу столичной интеллигенции. Кого тут только не было! Кроме тех лиц, которых художник писал или рисовал, у него постоянно толпились студенты, ученики. На молодежных вечеринках по субботам собиралось по многу десятков человек.

Илья Ефимович любил пылкие дискуссии и ярких, умных, самостоятельных женщин. У Веры же были почти домостроевские взгляды на жизнь: подчиняться мужу, исполнять долг жены, заботиться о детях... И она уж точно не была той личностью, какую Репин хотел бы видеть в качестве подруги жизни. Вера была слишком тихая, никогда не высказывала своего мнения, а может, и вовсе его не имела. Она родила Илье Ефимовичу четверых детей - сына **Юрия** и дочерей **Веру, Надежду и Татьяну**, - которых он обожал и часто писал.

Но все существующие упоминания о семейном счастье и духовном родстве Репина с его первой женой - его собственный вымысел или, скорее, - мечты, которые он изливал на бумагу в письмах друзьям, когда путешествовал с семьей по Европе.

- Если женщина способна быть преданной вполне интересам своего мужа, она - драгоценный друг, который необходим мужчине, с которым он не расстанется ни на минуту во всю жизнь, которого он будет любить и уважать глубоко в душе... - писал Репин вскоре после свадьбы.

Однако, жена его была безусловно предана ему, но не его интересам. Вернее, его интересы видела через призму собственного восприятия... После возвращения Репиных в Россию никто из знакомых не заметил ни счастья, ни родства. Вера Алексеевна больше интересовалась материальной стороной творчества своего великого мужа, т.е. прибылью от картин, чем собственно картинами. Да, она думала о благе семьи и будущем дочерей, которым нужно приданое, но... Репину с ней было невыносимо тяжело. Отношения становились все более напряженными. Дочь Вера вспоминала, что «за обедом иногда тарелки летали».

К тому же Илья Ефимович, будучи романтиком, искренне считал: брак без любви - преступление против морали. И в 1887 году добился развода с Швецовой. Она не протестовала: Вера Алексеевна тоже устала от непонимания в семье, от презрения мужа и от его измен.

*- Мне было глубоко жаль его жену - блеклую, какими бывают растения и женщины, оставленные в тени. Но моя старая привязанность к виновнику этой тени брала верх... - вспоминала одна из виновниц этих измен, талантливая ученица Репина **Вера Веревкина**.*

Дети так и не простили отцу «предательства», и до конца его жизни отношения со всеми ними, кроме разве что дочери Веры, были натянутыми: они требовали от отца денег, а он, естественно, давал, но огорчался из-за полного отсутствия родственных чувств к нему. Ведь он-то никогда не переставал их любить... Но творчество и свободу он любил сильнее.

Свободная финляндка Нордман

Влюблялся Репин многократно, и всегда избранницами его сердца становились женщины интеллектуальные, высокодуховные и, разумеется, те, кто мог по достоинству оценить его талант. Помимо романа с Верой Веревкиной у него был еще один - с молодой художницей **Елизаветой Званцевой**.

Но самой серьезной его любовью стала необычайная из всех женщин, которых он встречал в своей жизни: Наталья Нордман. Именно она - во всем полная противоположность Веры Швецовой - стала его второй женой.

Наталья Борисовна родилась в 1863 году в Гельсингфорсе (Хельсинки). Отец ее был русский шведского происхождения, мать - русская дворянка, и финляндского в Нордман было только лишь место рождения, однако она, в неизменном своем пристрастии шокировать окружающих, называла себя «свободной финляндкой». Финны в ту пору в России были народом не слишком уважаемым, а Наталья всегда хотела быть с «униженными и оскорбленными», к тому же считала, что в Финляндии все обустроено лучше, чем в России.

Крестили ее по лютеранскому обряду, на крестинах присутствовал император Александр II. Последний факт она скрывала, ровно как и высокое свое происхождение. Отец умер, когда Наталья была еще подростком, оставив их с матерью почти без средств, но мать ловко поддерживала видимость благосостояния, одалживаясь то у одного, то у другого знакомого, и продолжала выезжать в свет, единственно для того, чтобы иметь возможность вывезти дочь, когда придет время...

Ее планам суждено было рухнуть: Наталья выезжать в свет не пожелала. И не хотела выходить замуж. Она мечтала стать свободной труженицей, так об этом и заявила родным. В восемнадцать лет Наталья ушла из дома, окончательно рассорившись с матерью, «презиравшей любой труд», как позже она сама вспоминала, и жила в женском пансионе, зарабатывая на жизнь выступлениями на сцене: правда, доверяли ей сугубо комические и характерные роли, о чем она, видевшая себя героиней, немало сокрушалась.

К тому же театральный мир с его чрезмерной вольностью нравов показался ей грязным. И хотя Наталья ратовала за свободную любовь и самоопределение женщины, все же на самом деле была слишком молода и чиста. Наталья Нордман решила, что истинное благо в тяжелом каждодневном физическом труде, и в 1884 году уехала в Америку, где год прожила, работая на ферме. Не выдержала - вернулась.

В России познакомилась с княгиней **Марией Клавдиевной Тенишевой**, художницей и меценатом. Женщины подружились, и Нордман на долгие годы обрела кров в доме Тенишевой. Там она погрузилась «в атмосферу живописи и музыки», увлеклась «балетными танцами», Италией, фотографией, драматическим искусством, психофизиологией и политической экономией.

Женщина, поглотившая Репина целиком

Репин сожалел, что его возлюбленная не получила достаточного образования.

- *Что могло бы из вас выйти!* - говорил он. - *Вам необходим правильный, ежедневный труд.*

Однако на самом деле Наталья Нордман получила прекрасное домашнее образование, знала три языка, причем в совершенстве, и могла читать Илье Ефимовичу статьи из иностранных газет с листа. Занималась музыкой, лепкой, рисованием, увлекалась фотографией, что в те времена для женщин было редкостью, ибо фотографический аппарат много весил, а испарения химикатов для проявки, как считалось, могли испортить кожу.

Уже в период совместной жизни с Репиным она попробовала себя в писательстве и под псевдонимом **Северова** создала несколько пьес и повестей о судьбах свободных женщин в современном ей мире: «*Эта*», «*Крест материнства*», «*Интимные страницы*». Как и в литературе, так и в жизни Наталья Нордман была идейной противницей замужества, ей

казалось, что это непременно плен, а материнство - непременно крест. Правда, к ней и не сватались: она была нехороша собой, без приданого и с дурной репутацией.

У нее случались любовники, она вообще была особой пылкой и при некрасивости своей умела стать «чаровницей» - знакомые вспоминали, что она начинала буквально светиться, когда влюблялась или хотела соблазнить. К тому же она умела изящно двигаться, носила свободные платья без корсета, подчеркивавшие округлые линии тела: для тех времен это казалось смелым и интересным.

С Репиным она познакомилась в 1896 году, в доме Тенишевой: Илья Ефимович приходил писать портрет Марии Клавдиевны, и, пока княгиня позировала, Нордман развлекала беседой ее, а заодно и художника. Репина она сначала заинтересовала как собеседник. Когда же он стал для Натальи Нордман объектом нежных чувств, неизвестно. Она была моложе его на 19 лет.

Чтобы стать невенчанной женой Репина, Наталья порвала со своей семьей. В 1898 году она сопровождала Репина до Одессы, откуда он должен был ехать в Палестину. Во время этого путешествия Наталья забеременела. Детолюбивый Репин готов был признать ребенка, но новорожденная девочка прожила всего два месяца: сейчас даже неизвестно, как точно ее звали – одни современники утверждают, что Елена, другие - что Наталья.

Ешьте больше! У Репина ничего, кроме сена не получите! или «Пенатские» реформы

Нордман пережила утрату дочери гораздо спокойнее, чем Илья Ефимович. Она по-прежнему не чувствовала в себе тяготения к материнству и за короткое время жизни девочки не успела к ней привязаться. Однако Репин считал, что после такой трагедии его возлюбленная нуждается в покое и утешении. На ее имя он купил землю в Финляндии, в поселке Куоккала, где выстроил поместье, которое Наталья Нордман назвала «Пенаты»: она увлекалась мифологией, а пенаты в Древнем Риме - домашние боги-покровители.

Поскольку Нордман была не просто бедна, а абсолютно неимуща и всю жизнь прожила за счет помогавших ей друзей, Репин хотел ее обеспечить. Как минимум - комфортным жильем. Изначально «Пенаты» были ее домом, но Репин бывал там все чаще, полюбил это тихое место, начал принимать там своих гостей, и в конце концов они с Натальей Нордман поселились вместе, как супруги.

Официально женаты они никогда не были: разведенный Репин не имел права венчаться. Но Нордман в этом и не нуждалась. Для нее путь к совместной жизни, к «уживанию» с кем-то другим, посторонним, пусть даже и любимым, был долгим и сложным. Она боялась утратить личную свободу, боялась зависимости. Она боролась сама с собой, с собственными чувствами - во имя собственных принципов. Ведь, по воспоминаниям современников, она была «боевой суфражисткой» и «сделала феминизм своей религией».

Но в конце концов сдалась.

- *Уже не боюсь его и совместной жизни. Только ее и желаю и думаю, что она могла бы быть очень счастливой,* - записала Наталья Нордман в своем дневнике в 1900 году. Они и правда были счастливы вместе.

Репин восхищался многочисленными талантами своей молодой жены. Иллюстрировал ее книги. Не раз писал ее портреты, причем показывал ее привлекательной - такой, какой он сам ее видел:

- *Ее окружала, за ней неслась везде повышенная жизнь. Ее веселые большие серые глаза встречались только с радостью, ее грациозная фигура всякий момент готова была блаженно танцевать, как только звуки плясовой музыки долетали до ее слуха...*

Наталья принимала гостей Репина, устраивала в «Пенатах» так называемые «репинские среды», когда в усадьбу съезжались друзья художника. **Корней Чуковский**, сосед Репина по Куоккале и его друг, вспоминал:

- Первая семья Репина по своей некультурности проявляла мало интереса к его творчеству, а Наталья Борисовна уже с 1901 года стала собирать всю литературу о нем, составила ценнейшие альбомы с газетными вырезками о каждой его картине. Кроме того, он не раз повторял, что одной из своих наиболее блестящих удач - композицией «Государственного Совета» - он всецело обязан Наталье Борисовне: она приняла к сердцу те трудности, которые он встретил при написании этой картины, и помогла ему своими советами, а также сделанными ею фотоснимками.

Заведенные ею знаменитые среды в «Пенатах» имели немало хорошего: они давали Репину возможность сосредоточенно работать во все прочие дни, не боясь никаких посетителей (ибо к среде приурочивались также и деловые свидания). Вообще она внесла в его жизнь немало полезных реформ, о которых он нередко упоминал с благодарностью.

Репин всегда тяготел к образованным людям, а Наталья Борисовна знала языки, разбиралась и в музыке, и в скульптуре, и в живописи - недаром он любил посещать в ее обществе всякие концерты, вернисажи и лекции.

Была она то, что называет светская женщина, но постоянно заявляла себя демократкой, и это тоже не могло не привлечь к ней симпатий Ильи Ефимовича.

Как и положено супруге, Наталья Нордман пыталась обустроить быт Репина... К сожалению, согласно своим собственным понятиям о том, каким должен быть правильный быт. Нордман истово исповедовала вегетарианство. И была сторонницей «раскрепощения прислуги». И первое, и второе создавало дискомфорт и для гостей, и прежде всего - для самого Ильи Ефимовича. В «Пенатах» на стол подавались капустные котлеты с брусничной подливой, овощные супы, отвары из свежего сена: Наталья Борисовна верила в их оздоравливающее действие. Со временем под запрет попало не только мясо, но также рыба, молоко и яйца.

- Когда в Куоккале жил А.М. Горький, - вспоминала М.К. Куприна-Иорданская, первая жена А.И. Куприна, - мы с Александром Ивановичем сперва заезжали к нему обедать, и он говорил нам: «Ешьте больше, ешьте больше! У Репина ничего, кроме сена не получите!»

Репин любил вкусно поесть и сбегал из дома, чаще всего - в гости к Чуковскому, чтобы полакомиться бифштексом. Когда он бывал в Петербурге, он опять же непременно заходил в ресторан и заказывал все вкусное, запретное, а потом шутливо каялся супруге в грехопадении. Впрочем, и сама Нордман была в пищевом плане «не без греха». М.К. Куприна-Иорданская рассказывала:

- Некоторых гостей, в том числе и меня с Александром Ивановичем, Нордман-Северова приглашала к себе в спальню. Здесь у нее, в ночном столике, стояла бутылка коньяку и бутерброды с ветчиной.

- Только, пожалуйста, не проболтайте Илье Ефимовичу! - говорила она. Но с годами Нордман становилась все более фанатичной вегетарианкой. И такой же строгости требовала от супруга.

Что касается «раскрепощения прислуги», то это новшество шокировало гостей еще сильнее, чем сплошь овощной стол. В дверях их встречал сам хозяин, знаменитый художник Репин, он же принимал пальто, и это было для всех неловко. На дверях и стенах висели плакаты: «Не ждите прислуги, ее нет», «Все делайте сами», «Дверь заперта».

Софья Пророкова, биограф Репина, писала:

- Гость читал: «Ударяйте в гонг, входите, раздевайтесь в передней». Исполнив это предписание, гость наталкивался на следующее объявление: «Идите прямо» - и оказывался в столовой со знаменитым столом, на котором вертелся круг, заменяющий, по мысли хозяйки, обслуживание прислуги. Здесь на особых полочках были положены разные яства, а в ящички складывалась грязная посуда. По очереди за столом разливали суп разные люди, на кого выпадет жребий. Не умеющего сладить с этой сложной обязанностью штрафовали, заставляли тут же экспромтом произносить речь, обязательно с присутствием какой-нибудь интересной идеи.

Можно один раз разыграть для смеха такую комедию. Но когда спектакль продолжается всю жизнь, он прискучивает... Прислуга в доме жила, не могли же все эти многочисленные блюда, приготовленные из сена, и котлеты из овощей появляться на столе по мановению руки хозяйки «Пенат», и не она сама после разъезда гостей мыла посуду. Все это делала прислуга, только внешне дело изображалось так, что обходились без посторонней помощи.

В 1909 году, приехав в Москву на Рождество, Наталья Борисовна праздничным утром пожимала руки всем лакеям и горничным, поздравляя их с Великим Праздником. И опять это было нелепо, и опять Репин был смущен... А она верила, что поступает правильно, что только так можно и нужно. Она писала:

- День Рождества, и тот господа забрали себе. Какие завтраки, чай, обеды, катанье, визиты, ужины. И сколько вина - целые леса бутылок на столах. А им? Мы интеллигенты, господа, одиноки - кругом нас кишат миллионы чужих нам жизней. Неужели не страшно, что вот-вот разорвут они цепи и зальют нас своей тьмой, невежеством и водкой?..

Наталья Нордман была человеком добрым и сострадательным: *«Вечно она хлопотала о каких-то сиротах, вечно помогала голодным курсисткам, безработным учительницам...»* Однако не умела делать добро ненавязчиво, и в результате почти все ее действия приносили дискомфорт - иной раз именно тем, кого она пыталась облагодетельствовать.

Издержки «слишком колоритной» личности

- Слишком уж криклива была ее проповедь - и в достаточной мере бестактна, - вспоминал Чуковский. А Нордман не понимала, почему от нее отшатываются даже те, кому она помогла выпутаться из сложной ситуации, для кого нашла работу или кров.

Будучи неоязычницей, Наталья Нордман главной животворящей пищей считала «сок солнца», то есть вино, пила его много, больше, чем приличествовало даме. Состояние опьянения почитала священным, будто именно тогда на человека снисходит истинная свобода, и позволяла себе опьянение в присутствии гостей, танцевала босиком, «как древние», в саду на траве, а то и на снегу... Она видела себя языческой жрицей.

Репин пытался понять и это, хоть и считал не благом, а дьявольским наваждением:

- Наталью Борисовну дьяволы подцепили на «солнечной энергии», так называла она виноградное вино и верила, что эта прелестная оживляющая влага, кроме своего притягательного вкуса, обладает способностью не только веселить человека, но и подкреплять и восстанавливать его силы и во всех отношениях служит ему жизненным эликсиром, как солнце своей энергией всей земле.

Именно то, что привлекло Репина когда-то в Нордман - ее оригинальность, ее несхожесть с «обычными женщинами», - именно это постепенно убивало его любовь к ней.

Все труднее Илье Ефимовичу было терпеть шокирующие поступки жены, недоуменные взгляды гостей, невкусную еду, нелепый быт. В начале их отношений Наталья помогала ему в его творчестве. Теперь из-за ее причуд Репин страдал как художник, потому что не мог спокойно работать. Ему мешала суматошная деятельность Нордман, устраивавшей неподалеку от «Пенатов» то театр для крестьян, то детский сад.

- При всей своей преданности великому человеку, с которым связала ее судьба, она не находила полного удовлетворения в том, чтобы служить его славе. У нее у самой была слишком колоритная личность, которая никак не могла стушеваться, а напротив, по всякому поводу жаждала заявить о себе, - с сожалением писал Чуковский.

Чахотка у Натальи Нордман впервые проявилась в 1905 году. Илье Ефимович увез ее в Италию - лечиться. Тогда она выздоровела. Но в 1913 году у нее появилась новая блажь: Наталья Борисовна сочла, что меха - «привилегия зажиточных классов», и велела, чтобы ей сшили шубу из мешковины, набитую сосновой стружкой: ведь согревают же стружки, когда сгорают в огне, значит - и таким способом можно использовать их для тепла.

А потом был еще один танец босиком на снегу, после которого Нордман слегла с пневмонией. Чудом выздоровела, поднялась с постели, исхудавшая и на себя не похожая, но - упрямо отказывалась от иного пальто, кроме своей «сосновой шубы». Снова простудилась... И теперь уже это была чахотка.

Побег в Швейцарию, или От Музы - к бледной тени

За год болезни она постарела и подурнела. И с обостренной болезнью чувствительностью поняла, что для Репина она больше не любимая женщина, а обуза; со всеми ее чудачествами, а теперь вот - еще и с болезнью.

И тогда она решила избавить Репина от обузы. Не предупредив, ничего не сказав, воспользовавшись его отсутствием, Наталья Нордман сбежала из «Пенатов» и уехала в Швейцарию, в Локарно, в клинику для неимущих. Одна, оставив все драгоценности, которые дарил ей муж, взяв с собой денег ровно столько, сколько хватило на проезд.

Из клиники она писала Чуковскому:

- Какая дивная полоса страданий и сколько откровений в ней: когда я переступила порог «Пенатов», я точно провалилась в бездну. Исчезла бесследно, будто бы никогда не была на свете, и жизнь, изъяв меня из своего обихода, еще аккуратно, щеточкой, подмела за мной крошки и затем полетела дальше, смеясь и ликуя. Я уже летела по бездне, стукнулась о несколько утесов и вдруг очутилась в обширной больнице... Там я поняла, что я никому в жизни не нужна. Ушла не я, а принадлежность «Пенатов». Кругом все умерло. Ни звука ни от кого.

Илья Ефимович был слишком измучен причудами жены, оскорблен ее бегством и, видимо, недооценил серьезность ее состояния. Он не поехал за Натальей Борисовной, а просто перевел ей деньги... От которых, впрочем, она отказалась. Она больше не считала себя женой Репина и не желала ничего от него принимать. Она даже не распечатывала его письма... А между тем в одном из них были строки, которые наверняка бы ее согрели и утешили:

- Я начинаю Вас любить глубокой любовью. Да, более 15 лет совместной жизни нельзя вдруг вычеркнуть. Устанавливается родственность незаменимая...

Наталья Борисовна Нордман умерла 28 июня 1914 года.

Репину о ее смерти сообщили телеграммой. Он просил, чтобы ее без него не хоронили, но не успел приехать вовремя, так что пришел уже к свежей могиле. Пришел с альбомом для набросков, в котором зарисовал ее могилу... И уехал в Италию, в Венецию, лечиться от пережитого стресса.

Илья Ефимович почтил память жены восторженным некрологом, в котором все ее недостатки попытался преподнести как достоинства, делая особый упор на общественную деятельность Натальи Борисовны:

- У Северовой слово, идея сейчас же превращалось в живой опыт жизни: свобода, равенство и братство - значит, надо установить прежде всего с нашей ограбленной прислугой самые дружеские отношения. Начинается с подавания руки прислуге - всякой и везде. Надо было видеть изумления в первые минуты кровных урожденцев нашей касты рабов. Но, по прошествии паузы непонимания чудной барыни, настроение сменялось быстро в простую радость людей, и сейчас же и навсегда устанавливались у нее с поработочными родственные чувства: слова «сестрица» (Северова требовала и от них братского к себе отношения), «товарищ» - звучали искренно...

Но, вернувшись в Россию, Репин вызвал к себе дочь Веру и отменил в «Пенатах» все установленные Натальей Борисовной правила. Чуковский писал:

- Возможно, что он и тосковал по умершей, но самый тон его голоса, которым он в первую же среду заявил посетителям, что отныне в «Пенатах» начнутся другие порядки, показывал, как удручали его в последнее время порядки, заведенные Натальей Борисовной.

Раньше всего Илья Ефимович упразднил вегетарианский режим и по совету врачей

стал есть мясо. Из передней был убран плакат: «*Бейте весело в тамтам!*»... Только на чайном столе еще долго стояла осиротевшая стеклянная копилка, куда прежние гости «Пенатов», присужденные к штрафу за нарушение какого-нибудь из запретов Натальи Борисовны, должны были опускать медяки. Теперь эта копилка стояла пустая, и все сразу позабыли о ее назначении...

Разумеется, прожив с этой женщиной пятнадцать лет, Илья Ефимович не мог не тосковать о ней. В одном из писем он жаловался:

- *Осиротелый, я очень горюю о Н. Б. и все больше жалею об ее раннем уходе. Какая это была гениальная голова и интересный сожитель!*

А однажды летом в окно его мастерской залетела птичка, посидела на бюсте, который Репин лепил с Нордман, и улетела обратно в сад, и художник сентиментально промолвил:

- *Может быть, это ее душа сегодня прилетела...*

И все же вспоминал он свою вторую жену не часто. Не чаще, чем того требовали приличия.

Илья Репин был удивительным тружеником и оставил несколько десятков картин, сотни портретов, тысячи рисунков. Для одной только картины «*Садко*» им было сделано более 150 эскизов и рисунков. При этом Илья Репин каждый день делал гимнастику, купался в студеной воде, и только потом поднимался к себе в мастерскую.

К семидесятилетию Ильи Репина **Сергей Городецкий** написал своеобразный поэтический портрет художника:

Выйдет в курточке зеленой,
Поглядит на водомет,
Зачерпнет воды студеной
И с улыбкою испьет.
Светлый весь, глаза сияют,
Голубую седину
Ветер утренний ласкает,
Будто легкую волну.
Не устал он, не измаян,
Полон силы и борьбы,
Сада яркого хозяин,
Богатырь своей судьбы...

Недаром Корней Чуковский называл его не только «*мастером замечательной живописи, но и мастером замечательной жизни*».

Литература:

1. **Аллёнова Е.** Репин. - М.: Белый город, 2001.
2. **Долгополов И.** Мастера и шедевры. - М.: Терра, 2000.
3. Илья Ефимович Репин (1844-1930). - М.: изд-во «Директ - Медиа», 2010. - 48с. - (Серия «Великие художники», т. 20)
4. **Прокофьева Е.** Странный брак. Илья Репин и Наталья Нордман. История одной любви// Гала-Биография. - 2013. - №2. - Стр. 40-55.
5. Репин. - М.: Классика, 2002. - (Серия «Мир шедевров»).